

Валентин Красногоров

История драмы в картинках

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на пьесу защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается ее издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по ней в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст пьесы при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

Картинка 1. «Моралите-2019»

Картинка 2. «Прекрасная Елена»

Картинка 3. «Три-шесть-три»

Картинка 4. «Трах-Пиф-Паф»

[Полные тексты всех пьес, рецензии, список постановок](#)

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689
(972)-53-527-4146, (972) 53-52-741-42

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

АННОТАЦИЯ

Четыре одноактные пьесы, написанные в стиле разных исторических эпох: 1. [Моралите 2019](#) (Средневековье); [Прекрасная Елена](#) (классицизм:17-18 век), [Три-шесть-три](#) (чеховская драма - рубеж 19-20 вв.), [Трах-пиф-паф](#) («новая драма» - 2000-е годы). Несоответствие исторической формы современному содержанию придает пьесам элемент пародийности. Всё произведение представляет собой своего рода драматургическую лабораторию.

Роли: 1) «Моралите 2019»: женские: 4; мужские: 4; массовка.

2) «Прекрасная Елена»: женские:1; мужские: 2.

3) «Три-шесть-три»: женские: 3.

4) «Трах-пиф-паф»: женские: 1; мужские: 2; детские: нет.

Предисловие

Короткие пьесы, собранные здесь под названием «История драмы в картинках», не предназначены для постановки и, пожалуй, для чтения тоже. Это эксперименты для самого себя. Просто мне захотелось изучить вплотную стили драматургии разных эпох. А чтобы прочувствовать стиль, недостаточно прочитать о нем в учебниках или ограничиться только чтением классиков – творцов этих стилей. Лучше попытаться самому написать пьесу на современный сюжет в эстетике соответствующей эпохи. Так родились эти небольшие пьесы - своего рода драматургическая лаборатория.

Я избрал для экспериментирования стилистику следующих периодов в истории драмы: моралите (средневековье), комедия дель арте (Возрождение), классицизм (XVII в.), психологическая драма рубежа 19/20 веков и, наконец, последний крик нашего времени - «новая драма». Комедия дель арте неожиданно получилась полноправной двухактной пьесой, которая размещена в интернете отдельно под названием [«Балаган»](#) и даже поставлена тремя (на 2016 г.) студийными театрами. Остальные «картинки» публикуются здесь. Поскольку современная тема неизбежно вступает в противоречие с несовременным стилем, то эти короткие пьесы естественно приобрели пародийно-шутливый характер.

Первая из них – [«Моралите 2019»](#). Так именовались нравоучительные уличные представления, которые разыгрывались в Средние века во время праздников. Действующими лицами в них были не только люди, но и отвлеченные понятия и аллегорические фигуры, - такие, как Порок, Добродетель, Милосердие, Обман, Справедливость и тому подобное. Моралите дожило почти до шекспировской эпохи и стало одним из предшественников современной драматургии.

[«Прекрасная Елена»](#) - написана в стиле высокого классицизма XVII в. (Корнель, Расин),- и соблюдает каноны этого жанра: александрийский стих, борьба долга и чувства, три единства, герой и его наперсник, обилие событий и поворотов сюжета и пр. По содержанию это пародия на столь популярные в былое время «производственные» пьесы советского периода.

Третья, чрезвычайно короткая, пьеса - «Три-шесть-три» (ребус разгадать нетрудно) – почти целиком построена на цитатах из известного автора рубежа XIX-XX века.

И, наконец, четвертая «картинка» [Трах-пиф-паф](#) - это классическая «новая драма» наших дней и в комментариях не нуждается.

Картинка первая

МОРАЛИТЕ 2019

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РЕЖИССЕР

ПЬЕСА

ПУБЛИКА

АКТЕР

АВТОР

ЧЕСТНОСТЬ

ПОДЛОСТЬ

СКАНДАЛ и его свита

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС (возможно, невидимый)

СВИТА

Актеры могут исполнять по несколько ролей.

Сцена может быть, в принципе, пуста, но постановщик может разместить в ней нужные ему предметы обстановки по своему усмотрению. Действие будет происходить не на всей сцене, а на ее центральной части, условно выделенной в форме круга или квадрата. При первом появлении персонажи выходят из-за кулис. Закончив свое участие в эпизоде, они не обязательно возвращаются за кулисы, а, покинув центральную «действующую» зону, могут остаться сидеть или стоять по краям сцены.

Автор, Режиссер, Пьеса, Публика, Актер выходят на авансцену.

АВТОР. (Он худ, оборван, невзрачен.) Давайте представимся. Мы - персонажи спектакля, который будет Вам сейчас показан. Жанр этого спектакля - моралите. Так именовались нравоучительные уличные представления, которые разыгрывались в Средние века во время праздников. Действующими лицами в них были не только люди, но и отвлеченные понятия и аллегорические фигуры, - такие, как Порок, Добродетель, Милосердие, Обман, Справедливость и тому подобное. Моралите дожило почти до шекспировской эпохи и стало одним из предшественников современной драматургии. Вот мы и попробуем вспомнить этот жанр и разыграть его сегодня. Ведь новое – это хорошо забытое старое. Итак, давайте знакомиться.

ПЬЕСА. (Выступая вперед.) Я - Пьеса. Я появилась на свет лет восемь назад.

АВТОР. Не восемь, а одиннадцать.

ПЬЕСА. Долгое время я провалялась у Автора в столе. Мною никто не интересовался. Меня никто не прочитал, кроме каких-то двух усталых критиков, которым мой автор сумел меня подсунуть. Впрочем, они тоже меня не читали. Я пылилась несколько месяцев в проходной театра у вахтера на полке, где Автору велели меня оставить и забыли об этом. Я лежала в мусорной корзине завлита, и меня лишь случайно не выбросили, потому что оттуда по ошибке меня вынула уборщица. Потом меня случайно увидела и прочитала любовница режиссера, и я ей понравилась. И вот теперь я здесь, на сцене, и меня сейчас начнут репетировать и ставить. Для меня это великое событие, исторический день, праздник, признание моих заслуг. Ведь я создана для театра, а театр создан для меня. С меня, а не с вешалки начинается театр.

ПУБЛИКА. Я – Публика. Театр создан для меня. И пьеса создается для меня. Я – это вы. Когда мне будет скучно, и вы будете скучать. Когда вы будете аплодировать, и я буду аплодировать. Мы вместе будем бросать в актеров помидоры и тухлые яйца, если спектакль нам не понравится. Надеюсь, вы захватили с собой помидоры и яйца? Нет? Жаль. Если нет, потребуйте их в перерыве в буфете. Нужно издать постановление, чтобы в буфете каждого театра всегда продавалась сырые тухлые яйца, подгнившие помидоры и свистки. Театр надо награждать не только аплодисментами, но и свистом, иначе он опустится дальше некуда. Если мы допускаем плохой театр, значит, мы плохая публика. Помните: хозяйева театра - мы.

РЕЖИССЕР. Не слушайте Пьесу. Не слушайте Публику. Это раньше старомодный театр был драматический. Теперь он постдраматический и режиссерский. Вы спросите – кто я? Я – Режиссер. Я - главный в театре. Я вообще главный. Я первый, я последний, я вечный. Я подобен богу. Я творец. Короче говоря, театр – это я. Театр и я -это одно и то же. Театр существует для режиссера. В театре никого не существует, кроме режиссера.

ПУБЛИКА. А разве в театре нет других творцов?

РЕЖИССЕР. Другие есть, творцов нет.

ПЬЕСА. А актеры, художники, композиторы, балетмейстеры?

РЕЖИССЕР. Они лишь заменяемые шестеренки, которые крутятся по моей воле и по моему желанию. Я – пружина, которая крутит эти шестеренки, я – энергия, которая приводит всех в движение, я – мозг театра, его лицо, его имя, его репутация и его успех. Я - это наше всё.

ПЬЕСА. Всё-всё?

РЕЖИССЕР. Всё.

АКТЕР. Я – актер...

РЕЖИССЕР. Стоп! Я тебе слова не давал. Иди, готовься к репетиции.

АКТЕР. Да, но...

РЕЖИССЕР. Иди-иди. В театре могу говорить только я.

АКТЕР. Но я только хотел...

РЕЖИССЕР. Хотеть здесь могу только я.

Растрепанный Актер покидает круг сцены и садится в стороне.

АВТОР. Я – драматург, автор пьесы, которую сейчас начнут здесь репетировать. Все остальные в театре нуждаются в каком-то другом человеке, создающем материал, на который можно опереться, который можно развивать, трактовать, дополнять, воплощать, а я не нуждаюсь ни в ком. Другие лишь реализуют мои замыслы, я же создаю свои пьесы из ничего, из воздуха. Я, как волшебник, могу в своем воображении построить город или разрушить дворец. И я хочу сказать...

РЕЖИССЕР. *(Прерывая.)* Позвольте, а вы как сюда попали?

АВТОР. Простите?

РЕЖИССЕР. Я спрашиваю: как вы сюда попали? Разве вы не видели надпись у служебного входа «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН»?

АВТОР. Но я, кажется, не совсем посторонний. Ведь я Автор...

РЕЖИССЕР. Ну и что с того, что вы автор? Вы написали текст, на этом ваша роль закончена. В театре вам совершенно нечего делать. Выход вон там.

АВТОР. Вы не имеете права... Я хочу сказать, я имею право...

РЕЖИССЕР. Я имею, а вы не имеете. У меня сейчас репетиция. Не мешайте работать над пьесой.

АВТОР. А разве мы не можем работать вместе?

РЕЖИССЕР. Не можем. Уходите все, не мешайте мне репетировать.

АВТОР. Но ведь представились еще не все персонажи...

РЕЖИССЕР. И не нужно. Хватит болтать. Надо работать.

АВТОР. Но я...

РЕЖИССЕР. Вы уйдете сами или позвать пожарника?

Автор уныло бредет к краю сцены и садится. Режиссер обращается к Публике.

Ты тоже иди. Мне публика не нужна.

Персонажи садятся на скамьи позади сцены. В кругу сцены остаются только Режиссер и Пьеса. Режиссер скептически разглядывает Пьесу, обходит ее со всех сторон. С его лица не сходит скептически-брезгливая улыбка.

РЕЖИССЕР. Значит, ты и есть моя пьеса.

ПЬЕСА. Я не ваша пьеса. Я пьеса Автора.

РЕЖИССЕР. Про Автора забудь. Теперь ты моя. А ну-ка, повернись.

ПЬЕСА. Зачем?

РЕЖИССЕР. Ты должна не спрашивать, а делать, что говорят.

Пьеса поворачивается.

Нужно прямо сказать, что ты не подарок.

ПЬЕСА. Я вам не нравлюсь?

РЕЖИССЕР. Нет.

ПЬЕСА. Почему?

РЕЖИССЕР. Мне вообще не нравятся пьесы. Но ты не волнуйся, я сделаю из тебя конфетку. Я поставлю тебя так, что ты сама себя не узнаешь.

ПЬЕСА. А когда мы начнем репетировать?

РЕЖИССЕР. Мы уже репетируем.

ПЬЕСА. *(Озираясь.)* А где же актеры?

РЕЖИССЕР. Зачем они? Теперь есть беспилотные самолеты, автомобили без водителя, а у меня будет театр без актера.

ПЬЕСА. Как же – без актера?

РЕЖИССЕР. Актеры – это устарело. Я могу обойтись и манекенами.

ПЬЕСА. Но хоть одного-то актера вы должны оставить.

РЕЖИССЕР. Зачем? Что мне с ним делать?

ПЬЕСА. Ну, ведь бывают театры одного актера.

РЕЖИССЕР. Устарело. У меня будет театр одного режиссера.

ПЬЕСА. Но...

РЕЖИССЕР. И этим режиссером буду я.

ПЬЕСА. Но...

РЕЖИССЕР. Закрой рот, это мешает мне работать.

ПЬЕСА. Я не мешаю. Наоборот, я хочу помогать.

РЕЖИССЕР. Единственное, что от тебя требуется – слушаться меня беспрекословно и подчиняться безоговорочно.

ПЬЕСА. Я готова.

РЕЖИССЕР. Хорошо. Тогда... *(Подумав.)* Встань вот так. *(Показывает Пьесе вычурную позу. Пьеса пытается ее повторить, но у нее не получается. Режиссер раздражен.)* Ну, что же ты?

ПЬЕСА. Мне так тяжело и неудобно.

РЕЖИССЕР. Хорошо, тогда я поставлю тебя по-другому.

Режиссер пытается заставить Пьесу принять еще более вычурные и неестественные позы, но неудачно. Она шатается, падает. Режиссер разъярен.

В жизни не ставил более бездарных пьес!

ПЬЕСА. Я не понимаю, почему я должна кривляться и ломаться, а не стоять нормально.

РЕЖИССЕР. Потому что нормально – это скучно. Это, как все. А театр должен удивлять. Кроме того, ты и не должна ничего понимать.

ПЬЕСА. Но я думаю...

РЕЖИССЕР. *(Прерывая.)* А ты не думай. За тебя думаю я. Встань так, как я тебе говорю! *(Снова силой заставляет Пьесу принять разные положения.)* Черт поberi, что за пьеса! Никак тебя не поставить.

Неожиданно звучит голос, похожий на голос самого Режиссера. Этот голос может быть и визуализирован в виде некоей фигуры.

ГОЛОС. Все дело в том, что ты не умеешь ставить.

Режиссер отпускает Пьесу и озирается.

РЕЖИССЕР. Кто ты?

ГОЛОС. А ты разве не знаешь?

РЕЖИССЕР. (*Уклончиво.*) Нет. Я тебя первый раз слышу.

ГОЛОС. Не говори мне и себе неправду. Я – это ты. Я – твой Внутренний голос. Не умеешь ставить, так не ставь.

РЕЖИССЕР. (*Затыкая уши.*) Не мешай мне работать.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Я знаю: ты боишься прислушаться к самому себе.

РЕЖИССЕР. Замолчи!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Ты уверяешь всех и, прежде всего, самого себя, что ты гений, но в глубине души ты знаешь: у тебя нет таланта. Вот и сейчас ты попросту не знаешь, как ставить пьесу. Ты давно не умеешь читать и понимать драматургию. Ты давно разучился работать. А, может, никогда и не умел. Ты давно забыл, что такое радостное вдохновение, ты репетируешь нервно и зло. При малейшей критике в твой адрес ты взрываешься и кричишь: «я талант, и вы бездари».

РЕЖИССЕР. Замолчи!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Тебе не удастся заглушить меня. Потому что я – это ты. Тебе придется сделать выбор.

РЕЖИССЕР. Между чем и чем?

Появляются две Женщины.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Для начала ты должен выбрать между нами.

Одна из этих двух женщин привлекательна, броско одета, красива, уверена в себе. Вторая женщина скромна, тиха, застенчива.

РЕЖИССЕР. А кто вы?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Кто бы мы ни были, выберешь ты все равно меня.

РЕЖИССЕР. Почему ты так уверена? Тебя все любят?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Наоборот, меня не любят. Но выбирают меня.

РЕЖИССЕР. Почему? Потому что ты красива? Потому что хорошо одета?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Не спорю, внешность у меня привлекательна. Но выбирают меня не поэтому.

РЕЖИССЕР. Так кто же ты?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Я принимаю разные лики, и называют меня по-разному, но всегда несправедливо.

РЕЖИССЕР. Может, ты скажешь все-таки, кто ты?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. А ты еще не догадался?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Перестань юлить и скажи наконец ясно и просто: «Я – Подлость.»

РЕЖИССЕР. Ты и в самом деле Подлость?

ПОДЛОСТЬ. Да.

РЕЖИССЕР. И ты этого не стыдишься?

ПОДЛОСТЬ. Я этим горжусь. У меня есть множество и других имен: Беспринципность, Лживость, Алчность, Предательство, Черствость, Бесстыдство, Разврат, Распушенность... Это все я.

РЕЖИССЕР. И все это правда?

ПОДЛОСТЬ. Что есть правда? Слова ничего не значат, важны поступки. Важны намерения. Беспринципность можно назвать гибкостью, жадность – бережливостью, карьеризм – честолюбием, разврат – свободой и так далее.

РЕЖИССЕР. Звучит не слишком привлекательно. (*Второй женщине.*) А кто ты?

ПОДЛОСТЬ. Ее тоже называют по разному: Честность, Добродетель, Порядочность... И еще много других смешных устаревших слов.

ЧЕСТНОСТЬ. Пусть устаревших. Зато меня уважают и любят.

ПОДЛОСТЬ. Не смейся нас. Тебя хвалят только в сказках для детей, в воскресных проповедях и нравоучительных книжках. Ты скучна, ты бедна, ты плохо одета. Кто тобой прельстится?

ЧЕСТНОСТЬ. Мне не нужно, как тебе, привлекать людей внешним блеском.

ПОДЛОСТЬ. Да тебе просто нечем привлекать. Ты доставляешь только неудобства и неприятности. Ты называешь себя Честность, а люди зовут тебя Глупость, Бестактность, Неуживчивость.

ЧЕСТНОСТЬ. Неважно, что говорят о тебе люди. Важно, кто ты есть на самом деле.

ПОДЛОСТЬ. А кто ты есть на самом деле? Серая невзрачная мышка. Раз ты Честность, скажи честно: разве тебе не хочется выглядеть красивой, обеспеченной, обаятельной, независимой? Покупать. Тратить. Наслаждаться любовью. Жить. Зачем для этого честность? Она только мешает. Нужна пряность, свобода действий и поступков, нужна воля.

РЕЖИССЕР. И все равно, я выберу Честность.

ПОДЛОСТЬ. Не торопись. Сначала хорошо подумай.

РЕЖИССЕР. Не о чем думать. Нас с детства учат избегать подлости.

ПОДЛОСТЬ. И непонятно, почему.

РЕЖИССЕР. Потому что добро есть добро, а зло – зло.

ПОДЛОСТЬ. Никогда не бывает чего-то абсолютно черного или абсолютно белого, не бывает стопроцентного добра или зла. Например, ты кого-то обманул, предал, отнял у него выгодную должность, присвоил его имущество. Для него это плохо, но ведь для тебя-то это хорошо! Значит, не так уж это и плохо. Беда в том, что хорошего на всех не хватает. За него надо драться, надо отнимать у кого-то свою долю. Иначе плохо будет тебе. И потому в конце концов ты выберешь меня.

РЕЖИССЕР. Нет.

ПОДЛОСТЬ. Выберешь. Я тебя очень хорошо знаю.

РЕЖИССЕР. Откуда?

ПОДЛОСТЬ. Потому что я не Подлость вообще, я твоя Подлость.

ЧЕСТНОСТЬ. А я твоя Честность.

ПОДЛОСТЬ. В каждом человеке есть доля одного и доля другого. Поэтому мы с ней, хоть и не любим друг друга, всегда ходим вместе. И мы сопровождаем тебя везде и всегда.

ЧЕСТНОСТЬ. Ведь жизнь все время ставит каждого перед выбором. Хотя самые важные решения приходится делать не часто, выбирать между добром и злом приходится чуть ли каждый день.

ПОДЛОСТЬ. Выбирай же.

РЕЖИССЕР. Но я не хочу быть подлым.

ПОДЛОСТЬ. Я сама не хочу быть Подлостью. Вернее, не хочу ею выглядеть.

ЧЕСТНОСТЬ. Подлый всегда придумает причину, объяснение своих поступков и сделает это так, что его подлость будто бы и не подлость вовсе, а наоборот, благородство.

ПОДЛОСТЬ. И если подлость ведет за собой Богатство и Успех, может, это вовсе не порок? Может, это добродетель

РЕЖИССЕР. (Оживившись.) А ты можешь принести успех?

ПОДЛОСТЬ. Конечно.

РЕЖИССЕР. Но почему именно ты? Разве Честность этого не может?

ПОДЛОСТЬ. Может. Но подлому человеку пробиться легче.

РЕЖИССЕР. Почему?

ПОДЛОСТЬ. Что такое подлость? Это когда человек заботится о себе и не думает о других. Ясно, что если ты заботаешься о себе, то добьешься большего, чем если будешь думать о других.

РЕЖИССЕР. Пожалуй, верно.

ПОДЛОСТЬ. Подумай еще вот о чем. Честность не льстит, не ищет обходные пути. Она добивается успеха только трудом и талантом. А у многих ли есть талант? Все ли любят трудиться? А мне любые средства хороши, у меня нет моральных запретов.

РЕЖИССЕР. (*Честности.*) Скажи, а ты можешь дать мне успех?

ЧЕСТНОСТЬ. Могу. Если у тебя есть талант, если ты будешь упорно учиться, если ты будешь много работать, если тебе никто не будет ставить палки в колеса, если тебе повезет, то...

ПОДЛОСТЬ. Что я тебе говорила? Слишком много «если».

РЕЖИССЕР. Да, слишком много «если»... А мне нужно наверняка.

ПОДЛОСТЬ. Тогда не слушай ее. Уважают только людей успешных, и каждый успех – это ступенька к новому успеху. А честных неудачников презирают.

РЕЖИССЕР. Но мне нужен успех!

ЧЕСТНОСТЬ. Тогда тебе надо выбрать эту наглую, уверенную в себе продажную женщину.

ПОДЛОСТЬ. Перестань колебаться. Есть простой способ: не называй меня подлостью, и не будешь чувствовать себя подлым. Назови меня Прагматизм, Вынужденный выбор, Необходимость, Реальность, Современность. И тогда ты совершишь не подлость, а разумный поступок. Есть тысяча способов успокоить свою совесть. А еще лучше избавиться от совести совсем.

РЕЖИССЕР. Как так – избавиться?

ПОДЛОСТЬ. А зачем она?

ЧЕСТНОСТЬ. Не слушай ее. Может быть, тебе удастся обмануть других. Но обманешь ли ты себя?

РЕЖИССЕР. (*После некоторого колебания.*) Я вот что решил: сначала я добьюсь успеха, а как-нибудь потом уже выберу честность. Так ведь тоже можно?

ЧЕСТНОСТЬ. Нельзя.

ПОДЛОСТЬ. Можно. Поздравляю, ты сделал правильный выбор. Гляди: Успех уже к тебе приближается.

Подлость и Честность покидают круг сцены. Входит ярко одетый Мужчина. Его сопровождает шумная, пестро наряженная свита с бубнами, золотыми масками и хрустальными кубками. Свита украшена яркими лентами и медалями. Гром и звон труб, барабанов и колокольчиков.

РЕЖИССЕР. Ты – Успех?

МУЖЧИНА. Нет.

РЕЖИССЕР. А кто же тогда?

МУЖЧИНА. Я путь к успеху, я ключ к нему. Ты хочешь успеха? Я дам его. Я и только я.

РЕЖИССЕР. Но как?

МУЖЧИНА. Сейчас мир настолько переполнен информацией, что нет никаких шансов, что о тебе кто-нибудь услышит. Поэтому надо громко кричать. Очень громко. Громче, чем очень громко. Но тебя все равно не услышат. Надо, чтобы о тебе говорили не только ты сам, и не только твоя жена и приятели, а чтобы говорили тысячи.

ПЬЕСА. Но как заставить людей о себе кричать?

МУЖЧИНА. Очень просто. Для этого я и существую.

РЕЖИССЕР. Так все-таки ты и есть Успех?

МУЖЧИНА. Нет, но я больше чем Успех. Я - Скандал. То есть громкий успех, шумный успех, оглушительный успех. Это как раз то, о чем ты мечтаешь.

РЕЖИССЕР. Но как мне этого добиться?

СКАНДАЛ. Поставь скандальный спектакль.

РЕЖИССЕР. И что тогда?

СКАНДАЛ. Поднимутся крики. «Это возмутительно!». Это ужасно!» «Это надругательство над нашими святынями!» «Это безнравственно!» «Это надо запретить!»

РЕЖИССЕР. Но ведь это убьет спектакль.

СКАНДАЛ. Ничего подобного. Спектакль может убить спокойное равнодушие, но не яростные проклятия. Старое правило рекламы: если о тебе не говорят, значит, ты не существуешь. Пусть ругают, пусть проклинают, пусть над тобой смеются, - главное, быть на слуху. Главное, чтобы о тебе говорили. Чем хуже ты сделаешь спектакль, тем лучше. Главное, - создать шум, поднять волны.

РЕЖИССЕР. А если в самом деле спектакль запретят?

СКАНДАЛ. Тем лучше. Тогда обязательно поднимутся борцы за свободу творчества и самовыражения. Им спектакль тоже не понравится, но они не упустят случай объявить войну всему устаревшему, осудить цензуру, заклеить мракобесов, и так далее. И заодно, разумеется, покричать о себе. Им ответят, они ответят, поднимется шум, а шум – это и есть скандал, а скандал – это и есть успех.

ПУБЛИКА. (*Выступая в круг сцены.*) Неправда. Успех – это когда ты хорошо сделал свое дело.

СКАНДАЛ. Чушь. Совершенно неважно, сколько, что и как ты сделал, хорошо или плохо. Главное, чтобы о тебе говорили. Это и есть успех. Ты кто?

ПУБЛИКА. Публика.

СКАНДАЛ. Сиди и молчи. Твое мнение никому не интересно.

ПУБЛИКА. Еще как интересно. Я не захочу смотреть плохой спектакль.

СКАНДАЛ. Успех не имеет никакого отношения к качеству. Уровень, совершенство, мастерство – все это устарело. Если разгорится скандал, спектакль захотят смотреть все. Потом они будут плевать, но разве это имеет значение? Важно, что они будут о нем говорить. Ведь больше всего люди говорят о скандале. (*Кивая на Пьесу.*) Это кто?

РЕЖИССЕР. Так, ерунда. Пьеса.

СКАНДАЛ. Зачем она тебе?

РЕЖИССЕР. Подсунули.

СКАНДАЛ. Такая не годится. Из-за нее скандал не затеешь. Запомни: о порядочных женщинах не говорят, говорят только об из ряда вон.

РЕЖИССЕР. Я понял.

СКАНДАЛ. И не забывай: успех – это хорошо. Это деньги, награды, премии, звания, слава. Это много-много женщин. И они тебя будут очень любить.

РЕЖИССЕР. И я смогу выбрать любую из них?

СКАНДАЛ. Зачем выбирать? Ты сможешь пользоваться ими всеми сразу. Все будут считать тебя великим, гениальным и любимым.

ПУБЛИКА. ...Кроме нескольких действительно понимающих людей и – в минуты просветления – тебя самого.

СКАНДАЛ. Не слушай ее. Главное, что тебя будут показывать по телевизору, узнавать на улице, журналисты будут требовать интервью, а девушки просить автографы и писать восторженные письма. А самое главное – деньги, деньги, деньги! Ты любишь деньги?

РЕЖИССЕР. А кто их не любит?

СКАНДАЛ. Молодец, что не притворяешься, как все остальные.

Члены свиты бросаются к Режиссеру за автографами. Женщины обнимают его. Гром и звон барабанов, труб и колокольчиков. СКАНДАЛ возвышает голос.

Всё! Тихо!

Воцаряется тишина.

Теперь ты знаешь, что делать. Действуй.

Скандал и его свита исчезают. В кругу сцены остаются только Режиссер и Пьеса.

РЕЖИССЕР. Дай руку.

Пьеса протягивает руку. Режиссер хватается топор и быстро отрубает ее. Пьеса громко вскрикивает. Автор прорывается на сцену.

АВТОР. Что вы с ней сделали?

РЕЖИССЕР. Пустяки, немного сократил.

АВТОР. Не сократили, а искалечили.

РЕЖИССЕР. Эй, кто там? Выведите посторонних!

Мужчины и свиты Скандала выволакивают Автора.

ПЬЕСА. Мне больно.

РЕЖИССЕР. Не хнычь. Тебя надо было сократить.

ПЬЕСА. Попросили бы Автора.

РЕЖИССЕР. Я сделал это лучше. Такой я тебя вижу.

ПЬЕСА. Вы меня видите уродиной?

РЕЖИССЕР. У Венеры Милосской нет обеих рук, но никто не считает ее уродиной. А теперьотрежем у тебя ухо.

ПЬЕСА. Чтобы окончательно меня изувечить?

РЕЖИССЕР. Ван Гог сам отрезал себе ухо и потому вошел в бессмертие.

ПЬЕСА. Он вошел в бессмертие не поэтому.

РЕЖИССЕР. Если ты будешь и дальше со мной препираться, я возьму другую пьесу.

(Отрезает Пьесе ухо и заклеивает рану пластырем).

ПЬЕСА. *(Жалобно стонет.)* Я буду жаловаться.

РЕЖИССЕР. *(Насмешливо.)* Кому? А ну-ка, повернись... Теперь ты выглядишь намного интереснее. Пожалуй, надо еще оттяпать тебе ногу.

ПЬЕСА. Не дам!

РЕЖИССЕР. Почему?

ПЬЕСА. Вы же хотите меня поставить, а как же я буду стоять без ноги?

РЕЖИССЕР. А я тебя не поставлю, а положу. Раздевайся.

ПЬЕСА. Зачем?!

РЕЖИССЕР. Не задавай дурацких вопросов. Я этого не люблю. Ложись.

ПЬЕСА. Вы не посмеете.

РЕЖИССЕР. Я все посмею. Ты слишком много говоришь, а публика теперь не любит слов. Пожалуй, я вырву тебе сейчас язык. Слова теперь не нужны. Главное – мизансцены, свет, музыка и движение. Так что заткнись. Если слова понадобятся, я могу придумать их и сам. Ну, что стоишь? Я сказал тебе – раздевайся.

ПЬЕСА. Прямо здесь?! При публике?

РЕЖИССЕР. Именно, при публике. Зрителям нравится, когда на сцене раздеваются. И не просто так, а с хорошим сексом.

ПУБЛИКА *(Вступая в круг.)* Неправда. Мне вовсе не всегда это не нравится.

РЕЖИССЕР. А ты помолчи. Тебя никто не спрашивает. Твое дело аплодировать.

ПУБЛИКА. Такой мерзости? Не собираюсь.

РЕЖИССЕР. А мне, собственно, на тебя плевать. Мы без тебя вполне можем обойтись. Я работаю не для публики.

ПУБЛИКА. А для кого же?

РЕЖИССЕР. Для вечности.

ПЬЕСА. Так может, я разденусь когда-нибудь потом, в будущей вечности?

ПУБЛИКА. (*Режиссеру.*) Оставь болтовню о вечности для своих интервью. На самом деле, ты знаешь, что работаешь не для вечности, а для ближайшего фестиваля и для премии.

РЕЖИССЕР. Пошла вон. (*Выталкивает Публику. Пьесе.*). Ну, а ты что стоишь? Снимай платье!

ПЬЕСА. Но это просто непорядочно.

РЕЖИССЕР. Порядочность устарела.

ПЬЕСА. Мне стыдно.

РЕЖИССЕР. Стыд устарел. Я давно от него избавился.

ПЬЕСА. А что не устарело?

РЕЖИССЕР. Все устарело.

ПЬЕСА. А вам не бывает стыдно, когда вы поставите плохой спектакль?

РЕЖИССЕР. Мне никогда не бывает стыдно, потому что я никогда не ставлю плохих спектаклей.

ПЬЕСА. Чтобы ставить хорошие спектакли, надо любить пьесу, любить театр и любить зрителей. А вы не любите ни меня, ни театр, ни зрителей. Вы не пытаетесь меня понять, не хотите мне помочь. Вам хочется блистать самому, чтобы были важны не слова, не мысли – только вы один и ваши трюки.

РЕЖИССЕР. Я люблю себя. Этого достаточно. Тебе сказано было раздеваться.

ПЬЕСА. Не буду. Я требую к себе уважения. Не забывайте, драматургия – это Литература.

РЕЖИССЕР. Какая ты, к черту, литература? Ты ничто, ты просто пьеса. Ты не существуешь, пока я не превращу тебя в спектакль.

ПЬЕСА. А вы знаете, что писал о драме Гегель?

РЕЖИССЕР. Ты хотела сказать «Гоголь».

ПЬЕСА. Нет, Гегель.

РЕЖИССЕР. Первый раз слышу.

ПЬЕСА. Он считал, что драме “дано изображать прекрасное в его самом полном и глубоком развитии”.

РЕЖИССЕР. Галимаття.

ПЬЕСА. Драма всегда считалась высшим родом поэзии и венцом искусства.

РЕЖИССЕР. Устарело. И знаешь, что? Мне надоело с тобой церемониться.

Режиссер срывает с Пьесы одежду и грубо насилует ее. Скандал и его свита наблюдают, шумно выражая свой восторг. Фотограф из свиты с разных ракурсов фотографирует эту сцену. Автор пытается прорваться Пьесе на помощь, но безуспешно.

ПУБЛИКА. Хватит! Я не могу на это смотреть.

РЕЖИССЕР. Тогда уходи. Мне никто не нужен. Только я сам. Зачем мне публика?

ПУБЛИКА. Хотя бы для денег. Ведь именно я покупаю билеты.

РЕЖИССЕР. Ерунда. Наш театр обеспечивается государством. Поэтому мы прекрасно обходимся без публики. Она нам только мешает.

ПУБЛИКА. Неправда. На самом деле ты все время мысленно представляешь, как я буду реагировать: вот здесь публика засмеется, вот здесь она замрет, вот здесь начнет аплодировать... Так вот я не засмеюсь, не замру от восхищения, не буду аплодировать. Я даже не буду свистеть, топтать ногами и кричать «позор!».

Потому что это будет скандал, которого ты так жаждешь. Я просто уйду, и спектакль будет уныло влачиться и умрет сам по себе в полной тишине в пустом зале.

РЕЖИССЕР. Ты не чувствуешь нового, не понимаешь современности.

ПУБЛИКА. А что такое, по-твоему, быть современным?

РЕЖИССЕР. Современный – это я сам. Все остальные - позапрошлый век.

ПУБЛИКА. Современен только талант, а бездарность – всегда стара как мир, всегда не ко времени, всегда пахнет нафталином. Все твое новаторство давно не ново: уже выходили на сцену голые персонажи, они уже испражнялись, совокуплялись, выкрикивали грязные слова. Что еще ты можешь придумать? Что выйдет не один голый актер, а двадцать? Что будет совокупляться не одна пара, а десять? И это было. Ты хочешь скандал, но чтобы раздуть скандал, тоже нужен талант – мелкий, подловатый, гнусный, но талант. А ты не способен даже на это. Ты даже не подл, ты просто пустое место.

РЕЖИССЕР. Сначала досмотри, а потом бранись.

ПУБЛИКА. Нет, с меня хватит. Скажи, чем кончится твой нелепый спектакль, и я пойду домой.

РЕЖИССЕР. *(Он озадачен вопросом.)* Я еще не знаю. Я думаю, что... Чем кончаются все спектакли? Поклонами.

ПУБЛИКА. Ну, так кланяйтесь, и кончим на этом.

РЕЖИССЕР. Очень хорошо.

Гремит музыка поклонов. Один из актеров хочет выйти на авансцену, но его опережает Автор.

АВТОР. Пойдите!!

Музыка умолкает.

Почему вдруг поклоны? Пьеса-то не кончена! Порок не наказан, добродетель не вознаграждена...

РЕЖИССЕР. Перестаньте молоть чепуху. Разве теперь наказывают подлость? Разве вознаграждают талант и честность?

(Актерам, повелительно.) Начинайте поклоны и кончайте спектакль.

Снова гремит бравурная музыка. Участники спектакля выходят на поклоны, Режиссер – последним. Он ярком дорогим костюме, снабженный и окруженный атрибутами успеха и скандала: медали, ордена, ленты, свита из журналистов и женицин, поклонниц и охотниц за автографами. На видеоэкране проектируется его интервью. Под бурю аплодисментов кончается эта простая история.

КОНЕЦ «МОРАЛИТЕ»

Картинка вторая. «Классицизм».

Прекрасная Елена

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

ПЕТРОВ – начальник цеха

ЕГОРОВ – его заместитель

ЕЛЕНА - экономист

Действие происходит в канун Нового года на крупном заводе в 1970-е годы.

ЯВЛЕНИЕ I

Петров, Егоров

ПЕТРОВ

Егоров, твой рассказ звучит нелицемерно.
Слова директора ты изложил мне верно?

ЕГОРОВ

Мой слух восторженно внимал его словам.
Они мне были столь же милы, как и вам.

ПЕТРОВ

Поведай вновь о том, что мне душа готовит.
Ведь сладостную речь душа так жадно ловит.
Случайно встретил ты директора?

ЕГОРОВ

О нет!

Он пригласил меня в роскошный кабинет
И, в кресло усадив, пред свитой подчиненных,
Тебя хвалил в словах простых и утонченных.
"Петрову, - он сказал, - я, право, очень рад,
Удвою я ему немедленно оклад.
Уверен я вполне, что в день последний года
Он первым завершит задание завода.
В борьбе за план Петров опережает всех.
В число передовых он свой выводит цех.
О достиженьи том уже известно в главке.
Я сам, своей рукой, туда направил справку.
Петрова ждет теперь почет и быстрый рост,
Сегодня же ему предложат новый пост.
Надежны новости – не слух и не химеры –
Он должность главного получит инженера!"

ПЕТРОВ

Я – главный инженер? Так вдруг? Какая весть!

ЕГОРОВ

Я торопился вам скорей ее принести.

ПЕТРОВ

Егоров, ты мне был не просто заместитель,
Но спутник, верный друг, помощник, утешитель.
Делил всегда со мной и горе, и успех,
И потому тебе я передам свой цех.

ЕГОРОВ

Как мне благодарить?

ПЕТРОВ

Пока об этом рано.
Бороться поспешим за выполнение плана.
Часы бегут. Скорей, еще не кончен год.
Итог не подведен. Не сброшен груз забот.

ЯВЛЕНИЕ П

Петров, Елена

ЕЛЕНА

Не помешала я?

ПЕТРОВ

А, это ты, Елена!
Ты вырвала меня из сладких мыслей плена.

ЕЛЕНА

О ком же грезил ты? Ужели обо мне?

ПЕТРОВ

Что я сейчас узнал, бывает лишь во сне.
Остаться без наград не может благородство,
Вниманием меня почтило руководство.
Показывая всем, что воздаст и тут
По справедливости оно за долгий труд.
Вседневная молва, летя за мною следом,
За лавром новый лавр плетет моим победам.
Не зная равного на поле громких дел,
По праву я возьму заслуженный удел.

ЕЛЕНА

Каким же ты путем пойдешь отныне славным?

ПЕТРОВ

Недолго быть мне здесь. Я скоро стану главным.

ЕЛЕНА

Завиден твой удел. А мой венец тернист.
Не нужен более тебе экономист.

ПЕТРОВ

Я знаю: выбор мой меня обрек на муки,
И долго не смогу я жить с тобой в разлуке.
Я – главный инженер, но помыслы свои
По-прежнему стремлю не к славе, а к любви.
Твой стройный, гибкий стан, твой нежный взор лучистый
Нужны мне больше, чем твой дар экономиста...
Но, кстати, поспеши. Еще не кончен год.
Кипит работой цех, не сброшен груз забот.
Скажи скорей, не мучь, не растравляй мне раны,-
Подсчитан ли тобой итог техпромфинплана?

ЕЛЕНА

Нет, мой расчет еще вполне не завершен.
Но почему тебя вдруг так волнует он?

ПЕТРОВ

Мне приговор судьбы пока еще неведом:
Надеюсь я, но все ж готов и к новым бедам.

ЕЛЕНА

Зачем твоя любовь о планах говорит
И только их – увы! – возлюбленной дарит?
Надбавки к премии мне разве больше надо,
Чем слова твоего, чем ласкового взгляда?
Хочу тебе тоску и страсть свою отдать,
Огонь пылает, я не в силах больше ждать.
Проходит день за днем, но ты, как прежде занят.
Когда ж любовь твоя бездействовать устанет?
Не все ж нам рассуждать о планах цеховых!

ПЕТРОВ

И день и ночь царишь ты в помыслах моих.
Пусть разделяют нас дела, заботы, стены,
Но сердце верное не ведает измены.
Теперь же торопись. Пора рапортовать.
Уж на исходе год. Наш главк не любит ждать.

ЯВЛЕНИЕ Ш

Елена, Егоров

ЕГОРОВ

Елена, подожди, не уходит так скоро.
Давно ищу я встреч с тобой для разговора.

ЕЛЕНА

Закончу я расчет и через пять минут
Вернусь. Ты подожди. Я снова буду тут.
Исполнить тороплюсь задание Петрова.
Еще две-три строки – и буду я готова.

ЯВЛЕНИЕ IV

Егоров

ЕГОРОВ

Семнадцать тридцать две. Свидания страшусь
Не меньше, может быть, чем на него стремлюсь.

Она – увы! – во мне надежду умертвила
И даже речь вести о счастье запретила.
Семнадцать тридцать три... Разумно ль в этот час
Напоминать о том, что связывало нас?
Что выиграю я от дерзкого признанья?
Оно лишь омрачит минуту расставанья.
Надежде на любовь я верен был пять лет
И верность сохраню, хотя надежды нет.

ЯВЛЕНИЕ V

Егоров, Елена

ЕЛЕНА

Расчет готов. Спешу уведомить Петрова.
Скорее говори.

ЕГОРОВ

Не будь же столь сурова.

ЕЛЕНА

Что надобно тебе?

ЕГОРОВ

Сказать, что я люблю.

Напрасно я любовь свою в вине топлю.
Она не тонет в нем и вспыхивает снова.

ЕЛЕНА

Ты знаешь: я люблю лишь одного Петрова.

ЕГОРОВ

Петров идет наверх. Но я здесь остаюсь.
Начальник твой, тебе я слепо подчинюсь.
Воображала ль ты, меня так долго зная,
Что скорбная душа, моя душа больная,
Которую избрал своей игрушкой рок,
Не избежит любви и всех ее тревог?
Лишь только пожелай – прибавку дам к окладу,
И пусть твой нежный взгляд послужит мне наградой.

ЕЛЕНА

Могла ль я ждать, что в час, когда душа болит,
Другой мне страсть свою так смело изъяснит?
Я речи дерзостной твоей не прерывала,
Пусть дружба на нее набросит покрывало,
Привязанность твою я высоко ценю,
Но речи о любви все ж твердо отклоню.

ЕГОРОВ

Я понял все. Увы! Удел мой – безнадежность.

Мне – уважение, ему – любовь и нежность!
От равнодушных глаз я скроюсь навсегда,
Что смотрят на меня, не видя никогда.
Прощай! Я сохраню в душе твой образ милый,
Пока меня от мук не исцелит могила.

ЯВЛЕНИЕ VI

Елена, Петров

ПЕТРОВ

Я обыскал весь цех. Где пропадали вы?

ЕЛЕНА

Кончала я расчет.

ПЕТРОВ

План выполнен?

ЕЛЕНА

Увы!

Ужасен результат: лишь сорок два процента.
По валу отстаем и по ассортименту.

ПЕТРОВ

Того не может быть! Твой точен ли расчет?

ЕЛЕНА

Проверкам тщательным я потеряла счет.

ПЕТРОВ

Прошу тебя я, вновь перепроверь проценты.
Закралась, может быть, ошибка в документы?

ЕЛЕНА

Ошибки нет, Петров.

ПЕТРОВ

Как объяснить тебе,
Что не о цифрах речь, но о моей судьбе?
И, если любишь ты меня нелицемерно,
Вновь все пересчитай, чтоб знать итог наверно.

ЯВЛЕНИЕ VII

Петров

ПЕТРОВ

Все кончилось, чем мог я в жизни дорожить,
Зачем мне есть и пить? Зачем дышать и жить?
Ведь план не выполнен... О, страшное известье!
Оно несет позор, оно несет бесчестье!
Меня преследует неумолимый рок.
Что делать мне? Как быть?.. Я духом изнемог.
Была открыта мне блестящая карьера,
Сулили главного мне должность инженера.
Начальников цехов я б смог тогда прижать:
Устал я спину гнуть, хочу повелевать.
На скорый свой успех я рано сделал ставку,
Директором я был в мечтах, начальством в Главке.
Тогда б в Тавриде смог я даром отдыхать,
Иметь любой товар, на всё и вся чихать.
Возил меня б шофер в большом автомобиле,
И крепко все кругом меня бы полюбили...
Но все, что в грезах я столь сладостных воздвиг,
Из-за каких-то цифр в один погигло миг!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Петров, Егоров

ПЕТРОВ

Какие новости?

ЕГОРОВ

Боюсь тебе открыться...

ПЕТРОВ

О, перестань, прошу, ты от меня таиться.
Молю тебя, мой друг, скажи мне все как есть.
Ты говорил – удар боишься мне нанести.
Увы! От твоего зловещего молчанья
Во мне еще сильнее и ярость, и страданье.

ЕГОРОВ

Что мне сказать тебе? Что делать надлежит?
Я оробел, смущен, и все во мне дрожит.

ПЕТРОВ

Сними жестокий гнет с души моей унылой!
Случилось что-нибудь?

ЕГОРОВ

Мой верный друг, нет силы...

ПЕТРОВ

Ах так! Ты и сейчас осмелишься молчать?

ЕГОРОВ

Прости, боюсь тебе я ненавистным стать.

ПЕТРОВ

Я требую!

ЕГОРОВ

Раз так, молчать уж невозможно.
Я все скажу тебе открыто и неложно.
Я вестник, может быть, таких жестоких бед,
Которых у тебя пока и в мыслях нет.
Директор, разузнав, что нами план провален,
Был страшно разъярен и сильно опечален.
О назначении твоём уж нет и слов,
А вот о снятии приказ уже готов.
Звонит он в главк – изъять оттуда справку,
Отменены тебе доплаты и надбавки,
С доски почета снят поспешно твой портрет,
Поездкам за рубеж твоим дадут запрет.

ПЕТРОВ

Вот какова нас ждет награда за старанье,
Чуть оступись, споткнись – и ждет тебя поправанье.
Я жизни не жалел, но в чьих глазах узрел
Признательность за все, что совершить успел?

ЕГОРОВ

Как много труженик усердья ни приложит,
Никто ему в верхах обязан быть не может
Ничем и никогда. Наш долг всегда гласил
Служить начальникам по мере наших сил.

ПЕТРОВ

Не будем тратить слов и сыпать роль на раны,
Но силы устремим на выполнение плана.

ЕГОРОВ

Ты прав. Спешу я в цех. Трудам отдамся весь.
Пока не кончен год, всегда надежда есть.

ЯВЛЕНИЕ IX

Петров

ПЕТРОВ

На что надеюсь я? Уж Новый год грядет.

В разгаре празднество. Ликует весь народ.
Счастливицы в дом несут похищенные елки
Иль магазинные, где ни одной иголки.
А женщины, с трудом у мужа взяв кредит,
Отправились искать заветный дефицит.
Бежит толпою люд по лавкам, магазинам,
Стремит сердца свои к закускам, водке, винам,
Дарами жгучими манит пивной лабаз,
И черный воронок, открыв свой синий глаз,
По вытрезвителям уж мужичков развозит,
Где их постели ждут и хлад не заморозит.
Детишек прихватив, догадливая мать
За маслом в очередь спешит в три кассы встать.
По телевизору все смотрят заседание,
Читает диктор вслух протяжное послание,
В разгаре празднество. Лишь я всего лишен
И в цехе допоздна работать обречен.

ЯВЛЕНИЕ X

Петров, Егоров

ЕГОРОВ

Я сделал все, что мог, я жал на все педали,
Такого натиска у нас давно уж не видали,
И никогда еще стремительный аврал
С такою яростью в цеху не бушевал.
Я бросил всех на штурм, оставил сверхурочно,
Но беды все на нас валились, как нарочно.
Сначала лопнул трос, потом сломался кран,
Теперь уже никак не выполнить нам план.

ПЕТРОВ

На складе новый трос попробовал достать бы.

ЕГОРОВ

Ах, нет кладовщика! По слухам, он на свадьбе.

ПЕТРОВ

А кран? Чини его! Еще он не готов?

ЕГОРОВ

Но как его чинить? Нет гаек и болтов.

ПЕТРОВ

Ищи же слесарей! Скажи, мы не обидим...

ЕГОРОВ

Все слесаря давно лежат в нетрезвом виде.

ПЕТРОВ

Конец. Спасенья нет. Бороться нету сил.
Как будто жуткий сон меня оледенил!

ЕГОРОВ

Спасенье есть. В него я верю неизменно.

ПЕТРОВ

Но кто же даст его?

ЕГОРОВ

Подумай сам.

ПЕТРОВ

Елена?

ЕГОРОВ

Пусть дерзко вставит в акт она такой процент,
Который нас спасет. Возьми же документ,
И в ноги ей пади.

ПЕТРОВ

Ты думаешь, что ею
Обласкан буду я, и нежностью своею
Она вознаградит меня?

ЕГОРОВ

Вознаградит.
Ведь сердце женское – ты знаешь – не гранит.
Но – чу! – сюда идут.

ЯВЛЕНИЕ XI

Петров, Елена

ЕЛЕНА.

Петров, твоя Елена
Проверила расчет. И нет в нем перемены.
Провален нами план. Надежды больше нет.
Такой развал в цеху не знали много лет.
Скажи, какой отчет давать мы ныне будем?

Где выполнение, что посулил ты людям?

ПЕТРОВ

Несчастен твой Петров, не добивай его.
Нам закалить сердца сейчас нужней всего.
Терзают душу мне и жгут такие грозы,
Что не достанет сил твои увидеть слезы.
Но пусть воспрянет дух, что помогал тебе
Меня поддерживать в сомненьи и борьбе.
Ведь все в твоих руках. Елена, если любишь,
То милого сама, конечно, не погубишь.

ЕЛЕНА.

Но разве я тебя, мой милый друг, гублю?
Ведь знает целый мир, как я тебя люблю!
Готова я всю ночь для выполнения плана
Сама грузить металл руками вместо крана!

ПЕТРОВ

Не это нужно нам. Увы, я не речист...
Как объяснить тебе?... Ведь ты – экономист.
Не мне подсказывать тебе пути к спасенью.
Две цифры замени – и ждет нас избавленье.

ЕЛЕНА.

Но как же так? Ведь я клялась закон блюсти.
Мой это первый долг. Иного нет пути.
И надо по нему идти неколебимо.

ПЕТРОВ

Ты так тверда, когда у ног твоих любимый?
Две цифры – и моя карьера спасена.

ЕЛЕНА.

И это от тебя услышать я должна?
Я, так привыкшая считать себя любимой?
Моя душа влеклась к тебе неодолимо
И лишь тобой живет. Зачем закон, Петров,
Ты позабыл, когда мой первый нежный зов
Разжег в слепую страсть?

ПЕТРОВ

Довольно резких слов!

Иль я не доказал, что время и пространство
Бессильны чувств моих нарушить постоянство?

ЕЛЕНА.

С какой холодностью клянешься ты сейчас,
Что пламень твой былой доселе не угас!

ПЕТРОВ

Ты пять последних лет могла ль предать забвенью?

Припомни все часы, припомни все мгновенья
Признаний пламенных, взволнованных речей
И знай, у нас с тобой сегодня день из дней.
Ведь никогда еще, клянусь душою верной,
Я не любил тебя так нежно, так безмерно,
И никогда...

ЕЛЕНА.

Твердишь ты это в сотый раз,
Но вот обман, подлог – и это твой приказ!

ПЕТРОВ

Конец и месяца, и года, и квартала...
Всему конец, пойми!

ЕЛЕНА.

Ах, слушать я устала!
Припискам нет конца!

ПЕТРОВ

Не я ж придумал их.

ЕЛЕНА.

Мы не должны пример недобрый брать с других.
Виновен ты иль нет – клянись любой святыней! –
Но не дерзай ко мне приблизиться отныне.

ПЕТРОВ

Путевку, премию – все положить бы рад,
Как дар, к твоим ногам за благосклонный взгляд.
Так подпиши мне акт, не будь неблагодарной,
Оставь для митингов свой тон высокопарный.
Ведь это не впервой. Мы поднажмем потом
И наверстаем план, тебе ручаюсь в том.
Другая б все давно оформила без скрипа.
Не мы одни грешны – цветет повсюду липа.

ЕЛЕНА.

Так поступила бы другая, но не я.
Границ не ведает обязанность моя.
Но проклинать тебя, обманщик, я не стану,
Ни призывать других в свидетели обмана.
Я все тебя сказать заставила сейчас.
Не бойся встреч со мной: я здесь в последний раз.
Да, горечь этих слез, последнее страданье,
О прежней нежности моей воспоминанье,
И жалкой совести твоей немой укор,
Ревизия, суды, проверки, прокурор –
Вот мстители мои, и пусть за дело злое
Не знать тебе от них ни счастья, ни покоя!

ЯВЛЕНИЕ XII

Петров, Егоров

ЕГОРОВ

Ну что?

ПЕТРОВ

Я ожидал, что будет долгим спор,
Упорною борьба, нелегким разговор,
Но все предчувствия, все страхи побледнели
Пред тем, что вытерпеть пришлось на самом деле.

ЕГОРОВ

Елена пред тобой сумела устоять?

ПЕТРОВ

Ее характер ты немного должен знать.
Однако продолжать атаку нашу надо.
Попробуй ты теперь ту крепость взять в осаду.
Что я не смог достичь, удастся вдруг тебе?
Найди ее и будь помощником в борьбе.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Елена

ЕЛЕНА

В тревоге я мечусь, как раненая птица,
Хоть силы нет ходить, на месте не сидится.
Любимый не идет. Терпенье истекло.
А время медленно идет и тяжело.
Я праздною мечтой себя не обольщаю,
Ведь слишком горд Петров, и нрав его я знаю.
Быть может, уступить и акты подмахнуть,
Но как же людям я в глаза смогу взглянуть?
Но, коль не подпишу, то погублю Петрова...
За что меня судьба карает так сурово?

ЯВЛЕНИЕ XIV

Елена, Егоров

ЕГОРОВ

Елена, только что мне встретился Петров.

Он бледен, он без сил. Боюсь, он нездоров.
Его уста молчат. Он тяжело вздыхает.

ЕЛЕНА.

Что у него болит?

ЕГОРОВ

Душа его страдает.

Любовь с отчаяньем перемешались в ней
Так страшно – ничего не видел я страшной.
Он стонет, он скорбит, и любит он, как прежде,
Но что его любовь? Ведь места нет надежде!

ЕЛЕНА

Но долгу все равно останусь я верна.
Ведь будет честь моя тогда сохранена.

ЕГОРОВ

Все время о себе... Упершись в нормативы,
Не хочешь думать ты о пользе коллектива.
Его ты премии замыслила лишить.
Кто право дал тебе его судьбу вершить?
Ведь если коллектив восстанет разъяренный,
Кто знает, что ему окажется препоной,
А что сметет с пути он в ярости слепой?
Остерегайся встреч с разгневанной толпой!
Послушайся меня, не нужно лишних трений,
Не разжигай пожар опасных обострений.

ЕЛЕНА

Я всякую беду согласна перенести,
Но я не соглашусь, чтоб пострадала честь.

ЕГОРОВ

Елена, не смей, скажу тебе, как есть я:
Ну кто же думает вообще теперь о чести?

ЕЛЕНА

Ты докучаешь мне, поди отсюда прочь.
Тоскующей нужны безмолвие и ночь.

ЯВЛЕНИЕ XV

Егоров, Петров

ЕГОРОВ

Напрасны были все мои мольбы, угрозы,
Мое отчаянье, мои укоры, слезы...

ПЕТРОВ

Подписан ею акт?

ЕГОРОВ

Спасенья нет для нас.
Нам окончательный дала она отказ.

ПЕТРОВ

Итак, все рухнуло. Какой конец, Егоров!

ЕГОРОВ

И в том виновен...

ПЕТРОВ

Кто, скажи мне?

ЕГОРОВ

Красногоров!

ПЕТРОВ

Неси скорей петлю. Пойдем его душить.
Такое ни писать нельзя, ни разрешить!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Егоров, Петров, Елена

ЕЛЕНА

Спешу обрадовать отрадными вестями:
План скорректирован! Прошла гроза над нами!
Есть указание нам факт за план считать
И выполнение сто один процент писать.

ПЕТРОВ

Мне новость торжеством всю душу пронизала!

ЕГОРОВ

Да здравствует...

ЕЛЕНА

Постой. Еще не все сказала.
Наш главк, желанием спасти завод горя,
Продлил нам год на две недели января!

ЕГОРОВ

Ужель перенесли нам окончанье года?

ПЕТРОВ

Я к жизни возвращен!

ЕГОРОВ

Исчезли все невзгоды!

Спокойно отдохнем...

ЕЛЕНА

Поправим все дела.

ПЕТРОВ

Январский план начнем с двадцатого числа.

ЕГОРОВ

Трубим отбой. Теперь не надо торопиться.

ЕЛЕНА

Пожалуй, по домам нам можно расходиться.

ПЕТРОВ

Прощай. Нам не идти с тобой одним путем.
Но в летописях мы останемся втроем
Печальной памятью о страсти самой нежной,
И самой пламенной, и самой безнадежной.
Пора. Иду к жене: ведь ждёт меня с утра.
В последний раз прощай!

ЕГОРОВ

(Взглянув на часы)

Ну что ж - и нам пора!

КОНЕЦ «ПРЕКРАСНОЙ ЕЛЕНЫ»

Картинка третья. «Наше всё».

Три-шесть-три

Короткая сцена из современной жизни

Действующие лица

Ольга - сестра Олега

Маша - сестра Миши

Ирина - сестра Игоря

Просторная гостиная. Ольга, Маша и Ирина неторопливо пьют за столом чай.

ИРИНА. Вот мы сидим тут, пьем чай... Как это, в сущности, мелко, пошло, скучно!

ОЛЬГА. Ты права, дорогая. Я тоже вчера читала книгу и думала: как обыденно и заурядно мы живем!

МАША. И я пью чай и думаю: вот, мы пьем чай, а ведь есть люди, которые живут настоящей жизнью – они работают.

ИРИНА. Да, они работают, а мы едим вкусную еду, пьем чай, гуляем, ходим в театр, смотрим телевизор, читаем, слушаем музыку. Как это пошло!

ОЛЬГА. Поймет ли кто-нибудь когда-нибудь наши страдания?

ИРИНА. Боже мой, не то, что человеком, лучше быть волком, лучше быть простою лошадю, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... О, как это ужасно! Маша, плесни еще чайку.

ОЛЬГА. Ты права, Ирина. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги.

МАША. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге...

ОЛЬГА. В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать. Маша, подлей и мне. И, пожалуйста, я съем еще кусочек торта.

ИРИНА. Мне так хочется хотя бы один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться в постель и уснуть тотчас же. Рабочие, должно быть, спят крепко! Нет, дорогие, счастья нет, не должно быть и не будет для нас...

МАША. Мы должны только работать и работать, а счастье - это удел наших далеких потомков.

ОЛЬГА. Да, надо работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мне в вашей дружбе.

ИРИНА. Тоска по труду, о боже мой, как она мне понятна! А торт, действительно, вкусный.

ОЛЬГА. Меня томит этот огромный дом, эти двадцать шесть комнат, в которых можно заблудиться. Когда папа был генералом, он продал военную базу подрядчикам и купил на эти деньги дом. Но я хочу вырваться отсюда в Москву. В Москву! Как хочется в Москву!

МАША. Дорогая, но мы ведь живем как раз в Москве.

ОЛЬГА. Да? Правда, я и забыла. Тогда в Париж, что ли?

ИРИНА. А почему именно в Париж?

ОЛЬГА. Надо же куда-нибудь стремиться. Я хочу в Париж!

МАША. Я продам свою дачу в Ментоне и тоже поеду в Париж, чтобы там работать.

ИРИНА. Мы все поедem в Париж, чтобы там работать.

ОЛЬГА, ИРИНА и МАША. *(Вместе.)* В Париж! В Париж!

ИРИНА. Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, гнилую скуку, предубеждение к труду.

ОЛЬГА. Да, это будет очень скоро!

МАША. Да, очень скоро. Через двести, триста лет жизнь будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней. Другими словами, работать.

ИРИНА. Почему через двести-триста лет? По телевизору говорили, что прекрасная

жизнь наступит очень скоро.

МАША. По телевизору всегда так говорят.

ОЛЬГА. А конкретный срок они называли?

ИРИНА. Нет.

ОЛЬГА. А что еще говорили по телевизору?

ИРИНА. Что надо работать, и тогда мы увидим небо в алмазах.

МАША. Нам всегда говорят, что в будущем наступит прекрасная жизнь, а пока надо работать. А будущего все нет и нет.

МАША. Про небо в алмазах нам говорила Соня, а не по телевизору. Забыла, что ли? Она так и сказала: умрем и после смерти услышим ангелов и увидим небо в алмазах. И тогда отдохнем.

ИРИНА. Как «после смерти»? А при жизни?

МАША. А при жизни просто небо. Без алмазов. При жизни надо работать, а не думать о всяких там алмазах.

ОЛЬГА. Да, надо работать.

МАША. А что это мы всё чай да чай? Давайте выпьем винца!

ОЛЬГА. Дорогая, неужели ты пьешь и не чувствуешь, что пьешь?

МАША. *(Делая глоток.)* Верно. Я как-то машинально пила и не чувствовала, что это совсем не чай.

ОЛЬГА. Я хотела приготовить чай с коньяком, но оказалось, что чай кончился. Пришлось обойтись без него.

МАША. Что ж? Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем.

ИРИНА. О чем?

МАША. Давайте помечтаем... например, о той жизни, какая будет после нас, лет через двести-триста, наконец, тысячу лет, - дело не в сроке. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее - и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье.

МАША. А я думаю, что и через тысячу лет будет всё то же хамство.

МАША. Это верно. Меня волнует, оскорбляет грубость, я страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен. Про мужа я не говорю, к нему я привыкла. Но и остальные не лучше.

ОЛЬГА. Если послушать нашего интеллигента, то с женой он замучился, с домом замучился, с дачей замучился, с машиной замучился... Ему, конечно, в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему он с детьми замучился, с женой замучился?

МАША. А почему жена и дети с ним замучились?

ИРИНА. Почему мы все мучаемся?

ОЛЬГА. Потому что мы интеллигенты.

ИРИНА. Надо выдавливать из себя интеллигентность. Она не идет женщине

ОЛЬГА. Ты права. Она портит ей настроение и цвет лица. А ведь в женщине все должно быть прекрасно: и лицо, и тело, и одежда, и мысли.

МАША. В особенности, одежда. Мысли не видны, они скрыты под прической, лицо - под косметикой, тело - под одеждой, и вот на одежду как раз и обращают внимание.

ИРИНА. Я хочу купить зеленый пояс к своему розовому платью.

МАША. А что, розовое теперь носят?

ИРИНА. Конечно. Теперь в моде все светлое.

МАША. А что же тогда мне носить? Ведь светлое не идет блондинкам.

ОЛЬГА. А кто тебе мешает стать брюнеткой?

МАША. Хорошая идея. Я всегда говорила, что ты гений.

ОЛЬГА. Я – это наше всё.

МАША. Только где найти хорошую краску?

ИРИНА. Как «где»? В Париже, конечно.

ОЛЬГА. Я куплю себе сразу три тюбика, чтобы хватило надолго.

МАША. А я – шесть.

ИРИНА. А я тоже три.

ОЛЬГА. Надо записать, пока не забыли: три, шесть, три... Три шесть-три. Так что?

Поехали в Париж?

ОЛЬГА, ИРИНА и МАША. В Париж! В Париж!..

КОНЕЦ «ТРИ-ШЕСТЬ-ТРИ»

Картинка четвертая. (XXI век, «Новая драма»)

Никодим Колянков
(Публикация В. Красногорова)

Трах-пиф-паф

Самая новая драма в одном сексуальном действии
с двумя короткими перерывами

Действующие лица:

Колян

Натка

Леха

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я с удовольствием представляю читателям пьесу одного из талантливейших участников моей драматургической мастерской. Не случайно «Трах-пиф-паф» получил Первый приз на Первом Зауральском фестивале Новой драмы, где он с энтузиазмом была принят зрителями и критикой. Сейчас настало время "новых русских" и "новой драмы", и автор чутко уловил веяния знаменательной эпохи перемен. В отличие от пропавших нафталином пьес прежних десятилетий, для которых столь важны были действие, сюжет, конструкция, характеры и другие устаревшие элементы драматургии, это произведение смело отбрасывает культурный груз прошлого и строится на новых принципах. Его герои – молодые люди нового времени, они легко узнаваемы. Они живут на сцене полнокровной жизнью, а не уподобляются заводным куклам «хорошо построенных пьес». Более всего привлекает в пьесе ее язык, великий и могучий, но, главное, правдивый и свободный. Нет никакого сомнения, что эта драма принадлежит к магистральному направлению нашей литературы для театра в ее лучших образцах. Я уверен, что она найдет постановщика, который сумеет в полную силу выразить ее незаурядный художественный потенциал.

Валентин Красногоров

На сцене мрак. Вдоль одной из стен выстроился ряд кабинок. Полусломанная табуретка, тюфяк на полу, обрывки газет.

Входят Колян и Натка. Натка в подвенечном платье, с букетом цветов.

НАТКА. *(Оглядывается помещение.)* Это твоя хата, что ли?

КОЛЯН. Ага. Как тебе?

НАТКА. Ничё. Нормально.

КОЛЯН. Воще-то, это городской туалет. Его назначили на слом, так он с весны и пустует. Вот я в нем пока и устроился. Ничё, правда?

НАТКА. В норме.

КОЛЯН. Ну, снимай платье, что ли.

НАТКА. Чего вдруг?

КОЛЯН. Почему «вдруг»? Ведь это наша первая брачная ночь.

НАТКА. Ой, верно.

КОЛЯН. Волнуешься?

НАТКА. Ага.

Оба раздеваются. На Натке остается только красный пионерский галстук.

КОЛЯН. А чё ты не ложишься?

НАТКА. Я думала, может, ты захочешь стоя или сидя.

КОЛЯН. А ты как хочешь?

НАТКА. Я могу по-всякому.

КОЛЯН. *(Подумав.)* Ну, тогда давай, для разнообразия, лежа.

Входит Леха.

ЛЕХА. Привет, Колян.

КОЛЯН. Привет.

ЛЕХА. Это что за б.. у тебя?

КОЛЯН. Это моя жена.

ЛЕХА. Блин, я и не знал, что ты женился. Давно?

КОЛЯН. Сёдня.

ЛЕХА. Ну, ты даешь! Как воще дела?

КОЛЯН. Нормально. Вот, как раз щас собрались трахаться.

ЛЕХА. А вы чё, разве сёдня еще не трахались?

КОЛЯН. Да мы воще никогда еще с ней не е..лись.

ЛЕХА. Воще? Неужели будете только в первый раз?

НАТКА. Ага.

ЛЕХА. Да вы чё, ребята, опи..денели, что ли?

КОЛЯН. Да не, мы в норме. Просто еще не успели. Типа.

НАТКА. Мы познакомились только сёдня утром, когда я с работы шла. Сразу и поженились.

ЛЕХА. Усёк. Ну, тогда вы трахайтесь, а я пойду.

КОЛЯН. Можешь и здесь посидеть, ты нам не мешаешь. Займись пока чем-нибудь.

ЛЕХА. У тебя телевизор есть?

КОЛЯН. А на хрен он мне нужен? Я порнуху через ноут-бук скачиваю.

ЛЕХА. Ладно. Я тогда пока почитаю газету, что ли.

Подбирает с пола обрывок газеты и начинает читать. Колян и Натка ложатся на тюфяк и начинают заниматься сексом. Леха читает.

НАТКА. Чё ты дышишь, как медведь. Тебе неудобно, что ли?

КОЛЯН. Подними повыше ноги.

ЛЕХА. *(Трогая Натку за плечо.)* Послушай, как тебя... *(Николаю.)* Ты бы нас познакомил, что ли.

КОЛЯН. *(Продолжая свое занятие. Натке.)* Познакомься. Это мой кореш, Леха Лопахин. Еще выше. *(Лехе.)* А это моя жена... мм... *(Натке.)* Слушай, блин, забыл, как тебя зовут.

НАТКА. Наташа.

КОЛЯН. Ага, верно. Натка.

ЛЕХА. Очень приятно.

НАТКА. Взаимно.

ЛЕХА. Вы продолжайте.

НАТКА. А мы и не останавливаемся. Чё ты хотел мне сказать?

ЛЕХА. Подложи под ж..у подушку. Так будет удобнее.

НАТКА. Я знаю, но у него в этой ночлежке даже подушки нет.

ЛЕХА. Подложи букет.

НАТКА. Это идея.

С помощью Лехи покладывает букет. Юные влюбленные возобновляют занятия сексом. Леха критически наблюдает за их действиями.

ЛЕХА. Ну, как с букетом?

НАТКА. Хреново. Колется. *(Вытаскивает из-под себя букет и отбрасывает его.)*

ЛЕХА. Колян, установи ее задом и загружай. Ощущение в кайф. И не так утомляет.

КОЛЯН. *(Натке.)* Хочешь, чтобы я зашел сзади?

НАТКА. А мне без разницы.

Супруги меняют позу. Леха снова принимается за чтение.

ЛЕХА. Послушайте, что в газете написано! Индийский йог удержал своим членом груз в сто двенадцать килограмм!

КОЛЯН. *(Продолжая свое занятие.)* Правда? Кончу, потом тоже почитаю. Не выбрасывай газету

ЛЕХА. *(Отшвыривая газету.)* А ну ее на х.. Тут и читать больше нечего. Правильно говорит Арнольд Исакыч: в газетах одно вранье. А он мужик умный. Недаром он, извините *(стыдливо понижая голос)*, еврей. Потому и умный. Хотя сам зачем-то всю эту херню читает. Хотя мужик он нормальный. Не то, что Борис Ефимыч. С тем я рядом и с..ать не сяду, хотя он тоже, извините *(понижая голос)*, еврей. *(Продолжает перебирать газетные листки.)* Эти идиоты в газетах пишут только про одно: секс да насилие, насилие да секс. Совсем ох..ели. Как будто ничего другого в мире нет. А ведь жизнь, если разобраться, прекрасна. Прекрасное – это, блин, сама жизнь. Йес, лайф, блин, из вери гуд. *(Подбирает другой обрывок газеты и начинает его читать.)*

Колян отваливается от Натки.

НАТКА *(Коляну.)*. Ты чё?

КОЛЯН. Ничё. Всё.

НАТКА. Уже?

КОЛЯН. Что значит «уже»? Сколько тебе нужно?

НАТКА. Мы ведь только начали.

КОЛЯН. Ты, может, и начала, а я кончил.

НЕВЕСТА. Вот блин!

КОЛЯН. Ты знаешь, он у меня не из пластилина, а мой собственный. Имеет право и устать.

НАТКА. А я сразу подумала, что из пластилина. Уж очень мягкий.

КОЛЯН. Заткнись немного.

НЕВЕСТА. Пошел ты в п...у.

КОЛЯН. Я только что оттуда вышел и больше не хочу.

НАТКА. А я хочу.

КОЛЯН. *(Лехе.)* Леха, Натке мало.

ЛЕХА. Может, тебя подменить?

КОЛЯН. Подмени. А я пока выпью пива.

ЛЕХА. *(Натке.)* Ты не против?

НАТКА. А мне без разницы.

ЛЕХА. Хорошо. Только подожди минутку, тут занятая статейка попалась. Пишут, как петухов превращают в кур, чтоб яйца несли. Интересно брешут.

НАТКА. Дочитывай, а я пока пойду пописаю.

Натка скрывается в одной из кабинок. Леха дочитывает газету, передает ее Коляну и скидывает брюки. Натка возвращается и начинает заниматься любовью с Лехой. Колян, рядом, читает газету, прихлебывая пиво. Затем он скрывается в одной из кабинок.

Натка стонет в объятиях Лехи.

ЛЕХА. *(Натке.)* Ты уже кончила?

НАТКА. Нет, я еще в девятом классе.

Возвращается Колян и обращается к Лехе.

КОЛЯН. Знаете анекдот: какая разница между пивом и мочой?

ЛЕХА. *(Не отрываясь от Натки.)* Ну?

КОЛЯН. Двадцать минут.

НАТКА. *(Она в экстазе.)* Шел бы ты отсюда.

КОЛЯН. Ты чё?

НАТКА. Ничё. Не отвлекай.

КОЛЯН. *(Глядя на Леху с Наткой.)* А у вас хорошо получается. Красиво. Надо будет потом мне тоже так попробовать.

Леха затихает и отодвигается от Натки.

НАТКА. В чем дело? Тоже больше не можешь?

ЛЕХА. Ага.

НАТКА. Блин, что вы за мужики?

ЛЕХА. Нормальные мужики. Просто, как все, устаем на работе. И я устаю.

НАТКА. А ты кто?

ЛЕХА. Так, ничего особенного. Воще-то, я романтик.

НАТКА. А если конкретно?

ЛЕХА. А если конкретно, то бандит.

НАТКА. Работаешь в одиночку или в группе?

ЛЕХА. В одиночку, конечно. В группе нельзя – продадут. Групповуха не для меня. Да и делиться не надо.

НАТКА. И много гребешь?

ЛЕХА. Смотри, как повезет. Вот сёдня, например, день был ничё: обчистил 11 квартир. Правда, в пяти были хозяева, пришлось замочить. Как тут не устать?

Колян, у тебя есть глотнуть?

КОЛЯН. Поищи, где-то должен остаться ящик.

Леха находит ящик с водкой и открывает бутылку.

НАТКА. (Колян.) Ну, ты отдышался? Может, продолжим?

КОЛЯН. А ты не хочешь отдохнуть?

НАТКА. Я от таких дел не устаю. Только подожди, я пойду пописаю.

КОЛЯН. Ты чё каждые пять минут бегаешь?

НАТКА. Это от шампанского там, когда нас поздравляли.

КОЛЯН. Я тебе говорил не лакать это пойло.

НАТКА. А что, я виновата, что водки не было? (Заходит в кабинку.)

ЛЕХА. (С бутылкой в руках.) Колян, а у тебя грибочков к водочке нет случайно?

КОЛЯН. Нет. Ребята их не трескают, и я не жру.

ЛЕХА. А где стаканы?

КОЛЯН. Может, попросишь еще хрустальные бокалы?

ЛЕХА. Ну ладно. (Садится в углу и тянет из горла водку.)

Натка возвращается из кабинки.

НАТКА. (Колян.) Ну, давай работать. Я не привыкла без дела сидеть.

Молодые супруги снова начинают любовную игру. Леха выпивает вторую бутылку и затягивает песню.

ЛЕХА. (Поет.)

«Отец мой покойник,
А мать моя б..
А сам я разбойник,
...и твою мать!

Натка разгорается.

НАТКА. Вот...Вот... Давай... У меня, кажется, пошло... Давай... Еще... (Стонет в экстазе и затихает.)

Блаженный отдых.

У тебя травка есть?

КОЛЯН. А как же.

НАТКА. Дай закурить.

Оба жадно закуривают.

Леха швыряет бутылку на пол, подбирает обрывок газеты, сминает его и заходит в одну из кабинок.

КОЛЯН. А ты классно трахаешься.

НАТКА. (Скромно.) Да, все это говорят.

КОЛЯН. Наверное, ты студентка?

НАТКА. Не, я проститутка. А ты?

КОЛЯН. А я наркоман. Ты работаешь на рубли, или на баксы?

НАТКА. И на евро тоже. А чё ты живешь здесь, а не с родителями?

КОЛЯН. А у меня нет родителей. Я их убил, когда мне было шесть лет.

НАТКА. За что?

КОЛЯН. Они отказались купить мне мороженое.

НАТКА. Зачем же было мочить обоих? Кокнул бы одну мать.

КОЛЯН. Это верно. Был бы щас отец жив, можно было бы из него капусту тянуть.

НАТКА. (Взглянув в окно.) Ой, бля, уже темнеет. Не знаешь, который час?

КОЛЯН. Без понятия. Поздно уже.

НАТКА. Пора на работу. (Поднимается, потом вздыхает и снова ложится.) Я же днем не спала. Может, взять на сёдня отгул?

КОЛЯН. *(Недовольно.)* А бабки? У меня травка кончилась, а купить не на что. А за ночь ты можешь зашибить кучу монет.

НАТКА. Да у меня и так полная сумка зеленых. В прошлую ночь заработала.

КОЛЯН. Деньги лишними не бывают. Так что уж давай, иди трудись. Кто не работает, тот не ест.

НАТКА. Ладно, хрен с тобой, пойду. *(Встает, ищет трусики и лифчик.)*

КОЛЯН. А чё у тебя зад вишневый?

НАТКА. Ночью обслужила 180 клиентов, вот и натерла.

КОЛЯН. Сколько ты берешь за раз?

НАТКА. Хорошо, что напомнил. С тебя сотня.

КОЛЯН. *(Удивленно.)* За что?

НАТКА. Как за что? За е..лю.

КОЛЯН. Почему так много?

НАТКА. Мой обычный тариф. Воще-то, с тебя надо взять вдвое.

КОЛЯН. Это еще почему?

НАТКА. Ну, ведь ты два раза кончил.

КОЛЯН. Не два, а один. Второй раз я притворялся.

НАТКА. А мне без разницы. Все равно плати.

КОЛЯН. У тебя что, крыша поехала? Я ведь твой муж!

НАТКА. Верно. Извини, я и забыла. Так много клиентов, что легко запутаться. Ну, так и быть. Возьму с тебя за один раз.

КОЛЯН. У меня нет ни копейки. А если бы и было, не дал бы. Я потому и женился, чтоб не тратиться на б..й.

НАТКА. И Леха твой пусть заплатит.

КОЛЯН. Он же друг!

НАТКА. Выходит, я всем твоим друзьям должна давать бесплатно?

Натка начинает одеваться. Леха открывает изнутри дверь кабинки.

ЛЕХА. *(Сидя там, Натке.)* Натка, ты куда? Уже уходишь?

НАТКА. А что, ты еще со мной не натрахался?

ЛЕХА. Нет, просто, думал, посидим вместе, выпьем...

НАТКА. Бухайте без меня, а мне на работу пора.

ЛЕХА. *(Выходя из кабинки и натягивая штаны.)* И, воще, я хотел сказать, что ты мне нравишься. Нормальная девчонка. С тобой хоть поговорить можно.

НАТКА. Убери лапу с моего зада, я еще не на работе.

ЛЕХА. Кстати, ты кто - воровка или проститутка?

НАТКА. Проститутка.

ЛЕХА. *(С укором.)* А вот это зря. Ты ступила на неверную дорожку. На этом пути много не заработаешь. Ведь конкурентов до фига. Лучше воруй.

НАТКА. Там еще больше конкурентов. Уже давно все разворовано.

ЛЕХА. Сколько ты берешь за час?

НАТКА. Все задают один и тот же вопрос.

ЛЕХА. А чё, нормальный вопрос.

НАТКА. Деньги я, конечно, беру, но дело не в деньгах, а в принципе. Мы, молодежь, нашим существованием хотим выразить протест против нашего существования.

ЛЕХА. Да? *(Восхищенно.)* Ё... твою христа-зараза-бога-в душу мать! Я тоже хочу протестовать. Пойду разбивать на улице машины. У вас нет чё-нибудь тяжелого?

КОЛЯН. Вот, возьми бронзовый подсвечник.

ЛЕХА. Не жалко?

КОЛЯН. А на х... он мне нужен?

ЛЕХА. Откуда он у тебя?

КОЛЯН. Спер где-то. Думал на травку обменять.

ЛЕХА. *(С тяжелым подсвечником в руках.)* Ну, я иду крушить наше прогнившее общество, про..би его медведь через куст шиповника. Выбью на х... все фары и стекла.

НАТКА. Только смотри, мою тачку не трогай. Я в ней работаю.

ЛЕХА. А что у тебя за драндулет?

НАТКА. Серебристый «Мерседес». Увидишь у выхода.

ЛЕХА. «Мерседес»? *(Задумывается.)* Мне как раз такого не хватало. Я его у тебя, пожалуй, позаимствую. Ненадолго. Лет на пять.

КОЛЯН. *(Ошеломленно.)* Ты что, Леха? Грабить друзей?

ЛЕХА. А кого же грабить, как не друзей? Враги же к себе не пустят.

КОЛЯН. Вали отсюда, урод. А то я так отформатирую твою морду, что никакой фотожоп ее не восстановит.

ЛЕХА. Закрой ротик, хлюпик. Не то я сделаю из тебя паштет и спущу прямо здесь в унитаз.

КОЛЯН. Пошел ты в

ЛЕХА. А ты иди на

НАТКА.

КОЛЯН.

.....

.....

ЛЕХА. Хватит базлаить. Давайте деньги и все, что у вас есть.

НАТКА. Ты чё, спятил?

ЛЕХА. Заткнись, курва. *(Берет большой полиэтиленовый мешок и закидывает туда подвенечное платье Натки.)*

НАТКА. *(Выдергивает из рук Лехи платье.)* Бери все, сволочь, но платье не тронь. Это святое напоминание о моей первой брачной ночи.

Леха поднимает пистолет и стреляет в Натку. Она падает.

КОЛЯН. За что ты ее?

ЛЕХА. А так, для смеху.

КОЛЯН. Тебе ее не жалко?

ЛЕХА. А мне никого не жалко. *(Наносит Коляну удар подсвечником в голову.)*

Колян падает. Леха крушит подсвечником все, что ему попадается под руку, выворачивает сумочку Натки, сует найденные деньги и ключ от машины в карман и уходит, прихватив платье. Слышно, как на улице трогается с места «Мерседес».

Конец

Но это еще не конец. Колян поднимает голову.

КОЛЯН. Наташа, а за что нас Алексей убил?

НАТКА. Нас убил не Алексей, а автор пьесы.

КОЛЯН. За что?

НАТКА. Ни за что. Просто теперь так пишут. Не знаешь, что ли?

КОЛЯН. Так нас точно убили?

НАТКА. Точно.

КОЛЯН. Так что, умирать окончательно?

НАТКА. Ага.

КОЛЯН. А-а... Ну, тогда пока. *(Роняет голову.)*

Колян и Натка снова умирают.

ПОЛНЫЙ КОНЕЦ

Об увлечении "новой драмой"

(Вместо послесловия)

«Вступление полуграмотной массы в духовное общение, девальвация моральных ценностей и слишком большая «проводимость», которую техника и организация придали современному обществу, приводят к тому, что состояние духа незрелого юнца, не связанное с воспитанием, формой и традицией, тщится в каждом деле получить перевес и слишком хорошо в этом преуспевает. Целые области формирования общественного мнения управляются темпераментом подрастающих юнцов и мудростью молодежных клубов».

Й. Хейзинга. "Homo ludens".

КОНЕЦ